

A movie poster featuring a close-up of a man with dark hair and a serious expression on the left. On the right, a pregnant woman with blonde hair, wearing a bright pink off-the-shoulder dress, stands by a window with sheer curtains, looking back over her shoulder. The background is a soft-focus interior.

Лада Зорина

ИЗМЕНА

Снова
СДЕЛАЮ *своей*

Лада Зорина

Измена. Снова сделаю своей

«Литнет»

2025

Зорина Л.

Измена. Снова сделаю своей / Л. Зорина — «Литнет», 2025

— Твой муж теперь мой, — оскалилась Эльвира. — И этот дом станет моим. Всё, что есть у тебя, станет моим. Ты свой шанс на счастье с Глебом упустила. Я стиснула зубы. — Тебя моя свекровь на меня натравила? — Думаешь, чтобы тебя с дороги убрать, мне нужна помощь? — фыркнула брюнетка. — Да твой муж спит и видит, как избавиться от тебя! Меня обдало волной ужаса, но я лишь выше подняла подбородок: — Моего мужа устроит только один вариант — если он овдовеет. Вы меня со свету сжить собрались? Красивое лицо скривилось в презрительной усмешке: — Никто не будет марать руки о дрянь, погубившую собственного ребёнка!♥# властный и жестокий мужчина ♥# коварная любовница ♥# сложные отношения ♥# очень эмоционально ♥#
ХЭ

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	16
Глава 7	18
Глава 8	20
Глава 9	22
Глава 10	24
Глава 11	26
Глава 12	28
Глава 13	30
Глава 14	32
Глава 15	34
Глава 16	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Глава 1

— Не стой с такой кислой миной, — повелительный голос свекрови вывел меня из моих невесёлых раздумий. — Как будто на похоронах.

— Не указывайте мне, пожалуйста, Ирина Валерьевна, с какой миной мне тут стоять, — проговорила я тихо.

Никто их окружающих нас не слышал, но это не помешало ей зашипеть мне чуть ли не в лицо:

— Это откуда у тебя вдруг такая наглость прорезалась?

Не стоило реагировать на её агрессию. Я ведь понимала, что никогда не смогу выиграть ни одну из битв с семейством Жаровых. Самым правильным, самым мудрым поступком было заткнуться и подчиниться. Взамен мне полагалась сытая, безбедная и относительно спокойная жизнь, да ещё и в качестве супруги одного из самых влиятельных бизнесменов столицы.

Со стороны посмотреть — мечта, а не жизнь. Воплощение грёз любительниц полистать глянцевого журналы и аккаунты знаменитостей в соцсетях.

Но мне уже тысячу раз сообщили о том, что бог даёт орехи беззубым. И я не смогу оценить всей прелести того положения в каком оказалась.

Как птица, которой «посчастливилось» жить в золотой клетке.

— У сына вашего научилась, — ответила я, глядя ей прямо в глаза.

Знал бы кто-нибудь, скольких усилий и времени мне стоило это умение — смотреть в глаза свекрови без прежней дрожи в коленках.

— Извините меня, мне нужно с Глебом поговорить, — добавила я голосом, лишённым всяких эмоций.

И не став дожидаться её высочайшего соизволения отпустить меня, пошла в ту сторону просторной залы, где высился мой муж в строгом чёрном костюме. Он беседовал с каким-то невысоким седовласым мужчиной, но мне придётся рискнуть и прервать их общение.

Я осторожно приблизилась и коснулась рукой его локтя.

— Глеб, извини, что отрываю...

Супруг повернулся, и свет люстры выбил синеву в его чёрных как смоль волосах. При виде меня его лицо окаменело, превращаясь в непроницаемую маску.

— Что тебе нужно? Ты прерываешь важный разговор.

— Извини, — повторилась я. — Но у меня просьба...

— Она никак не подождёт?

— Жаров, не переживай обо мне, — добродушно отозвался его собеседник и послал мне тёплую улыбку. — Я в состоянии подождать пару минут, пока ты общаешься с супругой.

И Глеб вынужден был принять необходимость отвлечься от столь важного разговора ради меня. Обернулся и уставился немигающим взглядом.

— Я слушаю. Что тебе нужно?

— Я могу подняться к себе? Я ведь больше тебе не нужна? Гостей мы встретили, и мне тут общаться особенно не с кем. Мне не о чем говорить со всеми этими деловыми людьми.

Пусть это было и перманентным моим состоянием, сегодня я ощущала отсутствие всякой принадлежности к кругу, в котором вращался мой муж, особенно остро. А тут ещё его мать давила на нервы, делая моё присутствие тут совершенно невыносимым.

— Никто и не требует от тебя с ними общаться, — проговорил он, окидывая взглядом толпившихся в зале гостей.

— Я думала, что уже выполнила свою роль необходимого предмета интерьера, — в моём голосе против воли прорезались строптивые нотки. — Не переживай, они не забудут, что ты respectable женатый молодой человек.

Тяжёлая челюсть напряглась, а в тёмном взгляде полыхнуло пламя, которое сулило мне лишь неприятности.

— Предлагаю не спорить и не разводи ссоры на пустом месте. Я предупреждал тебя, что это важное мероприятие. А у тебя есть обязанности.

— А права? — ввернула я. — Права у меня в качестве своей супруги какие-нибудь есть? Жаров беззвучно выдохнул и, чуть склонившись ко мне, процедил:

— Пока ещё. Если продолжишь донимать меня своими капризами, их у тебя заметно прибавится.

Я не стала с ним спорить и настаивать на своём по одной простой причине — понимала, что разговорами я своего не добьюсь. С Жаровым такое никогда не работало. Хочешь ему противостоять — действуй. Разговорами ты ничего не добьёшься.

— Будут ещё какие-нибудь вопросы и требования? — поинтересовался он, едва заметно прищурившись.

— Никаких, — шепнула я и отступила.

— Замечательно. Свободна, — отчеканил муж и вернулся к разговору.

Проглотив обиду, я отшагнула в тень и какое-то время ещё слонялась из угла в угол, набираясь смелости для акта своего неизбежного мятежа. Но кто бы знал, что последней каплей станут именно действия мужа.

Отлучившись ненадолго, чтобы прихватить в организованном в смежной комнате буфете безалкогольный коктейль, я вышла в залу как раз вовремя, чтобы заметить, как мой муж сменил собеседника — сейчас он общался с какой-то роскошной брюнеткой. И общался вовсе не так, как общался с тем, седовласым.

Он склонился к самому её лицу и, бесстыдно прочертив указательным пальцем линию у неё под ключицей, что-то проговорил ей на ухо, заставив её высокие скулы порозоветь.

Меня бросило в жар, сердце заколотилось с безумной скоростью. Но я прикусила губу и заставила себя остаться на месте.

За шумом крови в ушках и гулом окружающих пропустила момент, когда сзади ко мне подкралась свекровь.

— Смотри-ка, — глумливо проворковал она мне из-за плеча. — Кажется, у Глеба наконец-то появилась достойная собеседница. Это Эльвира Туманова, о-о-о-очень большая его поклонница. Оксфордская выпускница и талантливый агент по недвижимости. До чего же красивая могла бы быть пара!..

Не сказав ни слова, я отшагнула подальше от её ядовитого шепотка и вылетела из залы, ничего вокруг не видя от застилавших мои глаза слёз.

Буквально взлетев по лестнице на второй этаж, позволила себе тихонько поплакать в коридоре, до сих пор не решаясь окончательно сбежать и скрыться в тишине супружеской спальни.

А потом поняла, что безвозвратно упустила свой шанс на неведение. Потому что внизу послышался прерываемый вздохами женский гортанный смешок:

— Господи... Глеб... Ох, ну не здесь же!

Друзья, приглашаю вас в мою новинку
 «Развод. Ты обещал, что не предашь»
Читать: <https://litnet.com/shrt/qP3X>

— Альбина в беде, — процедил муж. — Я должен ей помочь.
 Я вспомнила те их нежности на парковке ... В груди защемило.
 — А какое тебе, к чёртовой матери, дело до её бед?
 — На этот раз вопрос личный, — выговорил он через силу.
 — Это личное касаться нас никак не должно!
 — Но касается, — отрезал Данила.
 — Как? — мой голос ослаб. — Каким образом? Говори, Громов!
 Данила поднял на меня больной

взгляд:
 — Когда мы с ней расставались, я не знал. Она мне ничего не сказала.
 — Чего... не сказала?
 — Когда мы расстались, Альбина была беременна. У меня есть сын, Ксения. Ему семь.

 ♥# властный мужчина
 ♥# сложные отношения
 ♥# очень эмоционально
 ♥# ХЭ

Глава 2

— Господи... Глеб... ох, ну не здесь же!

— С каких это пор ты такая щепетильная? — хрипло пробормотал мой муж, и меня бросило в жар от того, сколько страсти и нетерпения крылось в его словах.

И хотелось бы мне похвастаться таким самообладанием, которое позволило бы мне с гордостью развернуться и промаршировать в супружескую спальню, громко хлопнув дверью, а завтра собрать чемодан и съехать отсюда, заявив, что подаю на развод.

Но всё это роскошь, которая мне недоступна. И вина за положение, в котором я оказалась, лежит не на мне.

До боли прикусив нижнюю губу, я перевесилась через перила, но ничего не смогла рассмотреть.

В тишине послышался глухой треск. Он рвёт на ней платье?.. Вот настолько ему на всех вокруг наплевать?

Я и сама не заметила, как слетела со второго этажа по ступеням и остановилась как вкопанная, мёртвой хваткой вцепившись в перила. Дальше идти не пришлось — парочка облюбовала массивный антикварный комод прямо под лестницей.

— Ты совсем чокнулся?! — зашипела я, стараясь даже взглядом не удостаивать извивавшуюся под Жаровым темноволосую нимфу.

— Го-осподи! — приглушённо взвизгнула она и попыталась вырваться из его крепких объятий.

Муж вскинул голову, и смоляные пряди упали ему на лоб, придавая обманчивое очарование. Но плававшие от ярости глаза не дали бы никого обмануть — он был в бешенстве.

— Скройся отсюда! — рявкнул он. — Ты хотела уйти? Свободна!

Внутри меня были сирены *«Уходи! Не позволяй ещё сильнее себя унижать!»*. Но мои ноги словно в землю вросли, а голова гудела от жара.

— Тут пресса! Если сейчас хоть кто-то увидит...

После моих слов брюнетка заёрзала ещё энергичнее — что-то этой Эльвире совсем не хотелось в центр скандала попасть.

Зато моему супругу, кажется, было плевать на такую угрозу.

— Вся здешняя пресса прикормлена и знает, кто платит ей деньги и за что, — прорычал Жаров. — Поэтому повторю. Свободна. Или я недостаточно ясно выразился?

К сожалению, мой гнев очень быстро уступил место подкатившим к горлу слезам. Злое лицо мужа стало расплываться в мутное пятно. Я чувствовала, что во-вот разрыдаюсь.

— Глеб, может, я всё же пойду? — слышала я шепоток любовницы.

— Никуда ты не пойдёшь, — заявил Жаров, но до чего же мягко звучал его голос!

— Ты... животное! — бросила я, отступая. — Грязное и похотливое животное! И... и подруга твоя не лучше!

В ответ на мои слова брюнетка хихикнула:

— Забавная она у тебя.

— Н-ненавижу, — шепнула я, не сводя мутного взгляда с озверевшего от моей выходки мужа. — Н-ненавижу тебя! Чтоб у тебя там всё поотсыхало!

И развернувшись, наконец-то сорвалась с места, помчалась наверх.

Я понятия не имела, что буду делать. Просто сейчас я не могла на месте стоять, тело требовало движения. Меня лихорадило и колотило от обиды, злости и унижения. Мне хотелось кого-нибудь поколотить. Да нет, не кого-нибудь, а собственного мужа!

Врезать этой бесчувственной сволочи так, чтобы надолго запомнил, как свою жену оскорблять! В день нашей свадьбы он пообещал уважать меня и защищать, но только очень

быстро наплевал на все клятвы. И вот до чего мы теперь докатились — он уже не стеснялся прямо в разгар званого ужина тащить под лестницу какую-то бабу!

Содрогаясь от рыданий, я почти добралась до дверей супружеской спальни, но в локоть мне внезапно вцепились чьи-то жестокие пальцы.

Рывок был такой силы, что у меня не было никакого шанса устоять на ногах. Взвизгнув, я дёрнулась назад и буквально повалилась на мужа.

А ему хоть бы что — я по сравнению с ним всегда чувствовала себя лилипутом, а сейчас так и подавно. Жаров буквально нависал надо мной и выглядел таким разъярённым, словно это он меня в чужой постели застал!

— Ты какого чёрта исполняешь?! — зарычал он таким низким голосом, что у меня внутренности затряслись. — Ревнивую жену из себя строишь?!

— А ты кого из себя строишь?! — рявкнула я в ответ. — Считаешь, тебе всё позволено?! Я не безмозглая скотина и не твоя бездушная собственность! Не смей со мной обращаться как с пустым местом!

Я видела, как хищно раздулись и затрепетали его ноздри, как запульсировала жилка у него на виске.

— Ты не пустое место, — проскрежетал он обманчиво тихо, склонившись к моему лицу. — Ты хуже. Ты засевшая в моём теле заноза. Обстоятельства не позволяют мне её вытащить. И я уже смирился с тем, что придётся страдать. Но отказывать себе в удовольствиях я при этом не собираюсь, ты меня поняла?

Я дрожала с ног до головы. Но чёрта с два он заставит меня свой зык проглотить!

— Я в занозы тебе не напрашивалась! Ты не имеешь права так со мной поступать! Не имеешь права вешать всю вину на меня! Благодарю за всё жадность своей гнилой, бездушной семейки!

— Следи за языком, — Жаров потрянул меня так, что клацнули зубы. — И выбирай выражения, когда о моей семье говоришь. Если бы не я и не моя жадная, гнилая семейка, где бы ты оказалась? Напомнить?

Я проглотила перегоревший горло ком.

— Я об этой милости не просила. Вы всё решили за меня!

— Точно, — оскалился муж, по его оскалу я поняла, что сама загнала себя в ловушку. — И как это я всё время забываю, что ты у нас исключительно безвинная жертва обстоятельств. Ведь так? Тебе же, небесному ангелу, не за что в этом браке краснеть? Не за что каяться, так?! А погибший ребёнок это так! Это глупости!

Глава 3

— Не смей! — взвизгнула я, ничуть не заботясь о том, как звучал мой надорванный голос. — Не смей даже заикаться об этом!

Слепящая, невыносимая боль пронзила меня, стоило только Жарову затронуть самое страшное, самое тяжёлое воспоминание в моей жизни. Воспоминание, Которое было для меня большее даже воспоминания о смерти отца и исчезновении матери.

Для матери нет ничего страшнее, чем потеря ребёнка. Даже если этот ребёнок оказался навсегда нерождённым...

— Ты мне запрещаешь? — прошипел муж, но я видела, что перекосившая его черты гримаса было не гримасой гнева, а боли.

Вот только мой супруг не делил со мной эти страдания, а скорее наоборот — он умудрялся их приумножать. Худший обратный эффект, какой только можно представить.

— Ты не имеешь права вешать всю вину на меня! Н-не имеешь права!

— А кого же винить, как не мать, допустившую Потерю ребёнка? И главное, как вовремя-то всё случилось! Стоило тебе с твоим папашей поговорить! Успел вправить своей дочурке мозги, прежде чем отошёл в мир иной! Успел напомнить, что в его планы наше с тобой потомство не входит!

Я размахнулась. Он не успел перехватить мою руку. Позже, не раз вспоминая этот момент, я даже думала, что он и не хотел этого делать. Просто позволил.

От оглушающе звонкой пощёчины его голова дёрнулась, а я едва не зывала от жгучей боли, пронзившей онемевшую поначалу ладонь. Ощущение был такое, словно я сунула руку в ревущее пламя.

Эта боль меня слегка отрезвила и позволила хотя бы ненадолго переключиться с той, что выедала сейчас моё сердце. Господи, каким извращённым разумом нужно было обладать, чтобы прийти до таких кошунственных выводов!

— Ты не имеешь никакого права так отзываться о моём отце! — проскрежетала я. — Ваша семейка после нашей свадьбы получила своё, но тебе и этого оказалось мало! Вы ко всем относитесь так, словно они ниже вас. Мой отец исключением не был. И ты ещё смеешь какие-то претензии к его решениям предъявлять?!

Жаров смотрел на меня так, словно ничто сейчас не доставило бы ему большего удовольствия, чем ответить зеркально. Но он сдержал свой безумный порыв, только широченная грудь ходила ходуном, натягивая белоснежную ткань его слегка помятой рубашки. Это в который раз напомнило мне о том, за чем я его застала, и во рту снова загорчило.

— Никаких претензий, — процедил он наконец. — Мне давно плевать на ваши семейные авантюры. Но забавно, что ты до сих пор цепляешься за иллюзию нормального брака. Мы с тобой связаны обязательством. Нас могло бы связывать куда больше, но из-за твоей беспечности эта связь утеряна навсегда. Второй попытки я предпринимать не собираюсь. Кто поручится за то, что ты и второго нашего ребёнка не угробишь?

Я громко всхлипнула от шока и боли, пронзивших меня.

Только Жаров умел быть со мной настолько жестоким. Только он знал, как бить точно в цель.

— Женщина, которая действительно могла составить мне идеальную пару, наконец-то вернулась, — добил меня муж. — И поэтому не переживай. Я тебя своими притязаниями больше не побеспокою. Эльвира более чем рада тебя заменить. К тому же по темпераменту она мне больше подходит. В остальном все наши с тобой договорённости в силе. Как и было обещано. Как и закреплено в документах.

— Я больше не хочу таких договорённостей, — прошелестела я. — Всё, чего я хочу, это чтобы ты меня отпустил. Хватит этих издевательств. Я не собираюсь оставаться трофейной женой и терпеть твои измены.

На мои требования Жаров лишь усмехнулся.

— Разве я спрашивал, чего ты хочешь? Я обещал твоему отцу заботиться о твоей безопасности. Не допустить того, чтобы люди, угрожавшие ему, нанесли вред тебе. Стоит мне выпустить тебя из виду, и ты очень быстро отправишься вслед за своим папочкой, а то, что составило его плату за моё согласие стать твоим мужем, в лучшем случае отойдёт государству. В худшем – этим поживятся какие-нибудь очень нехорошие люди. Предположительно именно те, по чьему заказу ты быстро отправишься на тот свет. Тебе подходит такая альтернатива?

Я сглотнула, борясь с желанием бросить ему, что лучше уж так, чем мучиться в браке с ненавидящим меня человеком.

С человеком, в которого я была влюблена и за которого я выходила замуж в наивной надежде на то, что этот брак, начавшийся как мезальянс, имеет шанс на заветное «жили они долго и счастливо».

Но мои мечты разбились ан мелкие осколки в тот страшный день, когда я потеряла нашего малыша. А Глеб закрылся от меня навсегда, уверовав в то, что я потеряла ребёнка едва ли не по собственной инициативе...

— Любой исход будет лучше, чем годы унижения и бесконечные измены!

— Не торопись с выводами, — бросил Жаров. — Пользуйся выгодами своего положения. А если будешь хорошо себя вести, возможно, я даже буду время от времени возвращаться в супружескую постель. Не стану утверждать, что как супруга ты совсем ни на что не годишься. Поэтому мой тебе совет, Полина, не строй из себя оскорблённую жену и бросай предъявлять какие-то права на меня. Ты потеряла их в тот день, когда прислушалась к советам своего предприимчивого папаши. Ты могла получить в моём лице верного и преданного мужа. Ты могла получить всё. Но совершила ошибку. И расплатишься за неё. Это я тебе обещаю, дорогая моя.

Глава 4

— Н-ненавижу! — мой громкий дрожащий шёпот звучал в моих собственных ушах тревожным набатом.

Жаров скорее в могилу меня сведёт, чем откажется от моего вечного унижения и своей мести. Он сам убедил меня в том, что я намеренно лишилась ребёнка. Что я едва ли не спровоцировала тот выкидыш. Только бы я оставалась в его глазах виноватой!

— разве не понимаешь, почему он тебя так изводит? — сказал мне отец, когда я навела-лась в его больничную палату после очередного сердечного приступа.

Я старалась не спорить с ним, ничего не возражать, только бы ему не сделалось хуже. Тогда я не знала, что это предпоследний наш с ним разговор. Что скоро папы не станет — сердце сдаст окончательно, и я останусь совершенно одна, а вокруг меня — кровожадные волки. И они станут ещё кровожаднее, как только огласят папину последнюю волю.

Я даже зажмурилась, не желая вспоминать, что тогда разразилось.

— Понимаю, конечно, — ответила я отцу. — Он меня ненавидит за то, что вынужден был жениться на мне.

— Не-е-е-т, — усмехнулся отец. — он ненавидит тебя за то, что ты ему небезразлична. И с каждым днём он это всё сильнее осознаёт.

Большей чуши я в своей жизни не слышала, но заблуждения отца легко было понять. Впервые, он как мог отгонял от себя мысли о том, что совершил ошибку, добиваясь для меня вот таких гарантий безопасности. А во-вторых, сознание у него тогда уже помутилось. Нее мог адекватно воспринимать реальность. И он к тому же не знал, как мне жилось в роли супруги Глеба Жарова. Как мне жилось с его семьёй. Единственным плюсом для меня в итоге стало то, что люди, собиравшиеся разобраться с отцом, до меня не доберутся — в качестве жены нынешнего главы влиятельного семейства я им не по зубам.

Сейчас мне уже начинало казаться, что я ничего не теряю, если утрачу этот статус. Но после смерти отца и оглашения завещания уже Жаров не мог позволить себе меня отпустить.

— Ненавижу, — снова прошептала я, врываясь в супружескую спальню. — Ненавижу вас всех и ваши интриги!

Отец, ты не имел права так со мной поступать. Вымощенная твоими благими намерениями дорожка привела меня в ожидаемый ад.

Размазав по лицу горячие слёзы, я огляделась, будто впервые очутилась в этой комнате.

— Нет, — выдохнула. — Нет, я не буду это терпеть. Пусть уж лучше убьют!

Бросилась к гардеробу, отодвинула зеркальную створку и выкатила оттуда чемодан.

Соберу самое важное и съеду. Куда угодно, только бы не видеть никого из Жаровых и тех, кто им прислуживал.

В голове шумело, мысли путались и скакали с одного унижительного воспоминания к другому. И это только укрепляло мою уверенность в том, что другого выбора у меня нет и не будет. Я дошла до той самой черты, за которой простых решений быть не могло.

— А чем это ты занята? — резанул мне по нервам исполненный ехидного удивления голос.

Я вскинула голову и уставилась в бледное узкое лицо своей ненавистницы. Хищный взгляд тёмно-серых глаз перебежал с меня на раскрытый чемодан.

— Ирина Валерьевна, оставьте меня в покое, — потребовала я и вернулась к сборам. — Я не обязана ни в чём вам отчитываться.

Даже и не припомню, когда позволяла себе говорить с ней в подобном тоне. Свекровь тоже, кажется, не могла бы припомнить, потому что я услышала, как она удивлённо фыркнула, мол, ну вы на неё посмотрите!

— Полина, на кого рассчитан этот дешёвый спектакль? Тебя так расстроила интрижка моего сына, что ты закатываешь истерику и собираешь вещички? Ты можешь так не стараться. Тебе прекрасно известно, сколько бы он ни развлекался на стороне, от тебя он никуда не уйдёт. Ваш брак...

— Наш брак и есть дешёвый спектакль! — рявкнула я, отбросив последние колебания. — И мне надоело в нём кривляться! Мне наш брак слишком многого стоил!

— Господи-боже, — усмехнулась свекровь. — А что ты из себя эталонную страдальцу строишь? Ты как будто чем-то жертвовала, когда согласилась на это брак!

— Я на него согласилась, потому что дурой была! И мне слишком много времени понадобилось на то, чтобы наконец поумнеть!

— Поумнеть и сдохнуть? — бросила Жарова. — Стоит только слухам о вашем разводе расползтись, как до тебя сразу доберутся! И что потом будут говорить о Глебе? Особенно те, кто действительно разбирается в ситуации!

— Мне откровенно плевать, что будут о нём говорить! — мой голос сочился презрением. — Но только не пытайтесь внушить мне, будто вы печётесь о репутации собственного сына или уж тем более о моём благополучии! Вас волнует только одно — если я настою на разводе, по завещанию, соглашение отца о передаче земли, на которой вы отгрохали свой завод, аннулируется! Вот и все ваши заботы!

— Раз тебе хватает ума понимать это, — ледяным тоном заявила свекровь. — То должно хватить ума понимать, что тебе никуда из этого брака не деться. Но ты не можешь требовать от Глеба хранить тебе верность после того, что ты натворила! Он имеет право на то, чтобы отвлечься от кошмара, в который ты превратила его жизнь!

— Да как вы смеете меня упрекать...

— Врачи предупреждали, чтобы ты себя поберегла! — перебила меня свекровь, и в её голосе звучало откровенное бешенство. — Но ты же пыталась всем доказать свою независимость! Тебе же не терпелось напомнить, что твой собственный муж тебе не указ! И вот чего ты добилась! Интрижки Глеба — твоя вина. Поэтому подбери сопли, разбери чемодан и будь ему послушной женой! Ничего больше от тебя и не требуется!

Глава 5

— Полина Дмитриевна, у вас всё в порядке?..

Заглянувшая в комнату горничная Катя видела, что у меня явно не всё в порядке. Но так уж тут прислуга воспитана — никто к тебе ни с какими инициативами не полезет, пока ты этого не позволишь. Инициатива, как известно, весьма и весьма наказуема. В этом доме — вплоть до увольнения.

Я не обладала такими полномочиями, чтобы попытаться как-то повлиять на работавшую тут систему. Мне наверняка тут же напомнили бы о моём месте.

— Всё в порядке, — я поспешно отёрла подбородок и щёки, но скрыть следы затяжных рыданий это, конечно, никак не могло. — Спасибо, Кать. Если что-нибудь понадобится, я тебя позову.

Катя кивнула и скрылась из виду. Но прежде всё-таки робко проинструктировала:

— На кухне остались горячие бутерброды и салат. Ваш любимый. Если вдруг захотите...

— Спасибо, — шепнула я, не представляя, как мне хотя бы крошка сейчас полезет в рот.

Но как выяснилось, ошибалась. Прошло ещё какое-то время, за которое я успела немного успокоиться и привести себя в порядок, сковывавшее меня нервное напряжение чуть отпустило, и я действительно ощутила голод.

Голодной я чувствовала себя ещё более несчастной, поэтому... может, всё же спуститься и чего-нибудь пожевать?

Гости наверняка уже разъехались, и сейчас внизу занимаются поздней уборкой. Да я и не пойду в ту часть дома. Кухня в стороне — я никого не побеспокою и меня никто не побеспокоит.

Переодевшись в домашний халат, я всё же решила спуститься и по крайней мере сделать что-то полезное для своего организма. Раз уж все в этой семье пытались максимально ему навредить.

Если я хочу уйти от Жарова и распрощаться с этой семьёй, мне нужен план. Я не сумею этого сделать без какого-нибудь, пусть даже самого примитивного плана.

С этими мыслями я пробралась на кухню и залезла в холодильник, чтобы достать обещанный салат. Но мои мысли тут же смешались, когда за спиной у меня раздалось:

— Не помешаю?

Голос женский. Нахальный. И мне незнакомый

Но я каким-то образом уже знала, кто со мной говорит, ещё до того, как обернулась.

На пороге стояла оксфордская выпускница Эльвира Туманова — в том же самом вечернем наряде и с таким невозмутимым видом, словно это я прокралась на её кухню.

Она что, следила за мной?

Я натянула на лицо непроницаемую маску. Захлопнула холодильник. Ни о каком ужине и речи идти не могло.

— Что вы здесь делаете?

— Да вот, — пожала точёными плечами она. — Уже уезжать собиралась, а потом увидела, как ты на кухню крадёшься. Решила не упускать шанса перекинуться парой слов.

— Извините, но не припомню, чтобы мы с вами на ты переходили, — вздёрнула я вверх подбородок.

Представляю, конечно, какой у меня был вид — в этом простом домашнем халате и с лицом без следа косметики, опухшим от слёз.

— Хочешь, чтобы я перед тобой расшаркивалась? — глумливо усмехнулась она.

— Вас там за границей манерам не научили?

Не знаю, сколько мне удастся изображать эту арктическую холодность и невозмутимость, но надеюсь, запаса моих сил хватит на то, чтобы не унижаться ещё и перед этой холёной дрянью, без зазрения совести зажимающейся по гулам с чужими мужьями.

Коварный тоненький голосок не преминул мне напомнить, что чужой муж был при этом совершенно не против. И даже больше того, почти наверняка выступал инициатором, но для меня это сейчас не имело принципиального значения.

— Нас там учили грамотно расходовать свои силы и время, — с лёгкостью парировала Эльвира. — И в нашем случае я не вижу никакого смысла тратиться.

Господи, да они действительно стоят друг друга... Как там моя свекровь восхитилась? Идеальная пара? Безусловно. Теперь никаких сомнений быть не могло. Лучше спутницы Жаров себе и отыскать бы не смог.

— Я тоже, — я указала подбородком в сторону выхода. — Поэтому идите, куда шли, и оставьте меня в покое.

— Хозяйку из себя строишь, — понимающе ухмыльнулась она.

— А вы строите из себя обнаглевшую гостью, которой прямо указывают на дверь, а она делает вид, что не понимает прозрачных намёков.

— Послушай, глупое ты создание, — оскалилась любовница мужа. — Жаров — мой. И этот дом скоро станет моим. Всё, что есть у тебя, станет моим. Ты свой шанс на счастье с ним потеряла.

Я стиснула зубы.

— Вас моя свекровь на меня натравила?

— Ирина Валерьевна тут ни при чём, — фыркнула брюнетка, окидывая меня с ног до головы пренебрежительным взглядом. — Ты думаешь, чтобы тебя с дороги убрать, мне понадобится чья-нибудь помощь? Да твой муж спит и видит, как избавиться от тебя!

Меня обдало волной леденящего ужаса.

— В нашей запутанной ситуации моего мужа, похоже, устроит только один вариант — если он овдовеет. Вы меня, Эльвира, убить собрались? А сюда пришли, чтобы об этом мне сообщить?

Красивое лицо скривилось в усмешке, исполненной искреннего презрения:

— Не пугайся, никто о тебя не будет руки марать.

Я не позволила себе отвести взгляд от её надменного лица, хоть всё внутри и трусилось от гремучей смеси эмоций.

— Тогда зачем тратить время на разговоры со мной? Ты не настолько уверена в своих силах, как пытаешь мне показать? Переживаешь, что желание соблюсти интересы семьи перевесит в Жарове стремление узаконить ваши с ним отношения? То, что он тебя трахает, ещё не гарантирует тебе заветное колечко на пальце. Мужчины часто обещают и редко держат свои обещания. И Жаров, представь себе, не исключение.

Глава 6

— Васильев, если ты сейчас же не выставишь эту наглую дрянь из нашего дома, я добьюсь того, что тебя уволят, — процедила я, очень надеясь, что мои слова звучат убедительно.

Не знаю, как хорошо персонал был осведомлён о моём истинном положении в семействе Жаровых, но никто бы из них не поверил в то, что я совершенно бесправна. Пусть выпутаться из этого брака я пока без длительного и изнурительного боя не смогла бы, но вот повлиять на такие рутинные и повседневные дела, как увольнение недобросовестно исполняющей свои обязанности прислуги мне было ещё по силам.

Васильев это, видимо, хорошо понимал, потому что подступил к Тумановой и, пробормотав дежурное извинение, попросил её покинуть помещение.

Незваная гостья не стала раздувать скандал, из чего я заключила, что она скорее бахвалилась своими наполеоновскими планами вышвырнуть меня за порог и занять моё место.

Парадокс заключался в том, что в моём положении я бы с радостью позволила ей это сделать, если бы хуже знала своего мужа.

Жаров никому не позволит диктовать ему свою волю. Он размажет такого слабоумного смельчака по стенке, и мокрого места от него не останется.

А эта хваленая Эльвира пока могла похвастаться только заграничным образованием и, вероятно, не менее высокой квалификацией в постели. Впечатляющая комбинация, но даже такого набора навыков не хватит для того, чтобы окончательно Жарову мозг отключить. К сожалению.

— Спасибо, шепнула я охраннику, отвернувшись к холодильнику.

От одной мысли о еде сейчас воротило, но мне нужно проглотить хоть что-нибудь. Я за весь день ничего, кроме кружки утреннего кофе, не проглотила. Сначала волновалась и переживала насчёт этого званого вечера, а потом и вовсе стало не до еды.

Пересилив себя, проглотила несколько ложек салата, вкусом которого сейчас не могла насладиться, и выпила кружку горячего чая с мармеладом. Это время даром всё-таки не прошло — я немного упокоилась и даже сумела отыскать некоторое утешение в том, что этот дом пока ещё территория, на которой я могла хоть что-то контролировать.

Но Туманова почти наверняка пожалуется Жарову на моё самоуправство. Не стоит дарить ей такую возможность. Желательно её опередить.

На войне как на войне. И не я диктую правила.

Выплеснув в раковину остатки недопитого чая, с сполоснула кружку, отставила её на сушилку и пошла наверх.

Не могла бы стопроцентно ручаться, но я всё-таки неплохо изучила супруга — он явится ночевать в супружескую спальню. Хотя бы для того, чтобы напомнить, кто в этом доме хозяин. Он скорее объявит, что я могу искать себе место поудобнее. Да, мы не из тех супружеских пар, где жена с лёгкостью прогоняет мужа на диван, если он провинился.

Мои прогнозы с впечатляющей точностью оправдались — где бы Жаров ни пропадал до этого, сейчас он принимал душ.

Я вошла в спальню и прикрыла за собой дверь, наслаждаясь короткой передышкой. Дом почти затих, уборка уже завершилась.

Подозреваю, Туманова крутилась внизу с подачи моей свекрови. Хотели меня добить. Подозреваю, нервы у Ирины Валерьевны сдавали, и она торопилась сделать хоть что-то, что толкнуло бы меня на отчаянный шаг.

В отличие о моего покойного свёкра она была решительно против этого брака, но тогда, пять лет назад, никто ей права голоса так и не дал. Заставили подчиниться, пойти на компро-

мисс с обстоятельствами. Неудивительно, что с годами её ненависть ко мне только росла и вот сейчас грозила выплеснуться уродливым водопадом.

Возможно, это было как-то связано с появлением любовницы в жизни сына. Возможно, с чем-то ещё.

И моё сердце невольно замерло от догадки — возможно, Жаровы отыскивали возможность обойти тот самый пункт завещания моего отца, подковырнуть тот самый камень преткновения, который мешал моему мужу обрести свободу и забыть о нашем браке, как о страшном сне.

И тогда он действительно выставит меня за дверь, и если люди, не успевшие поквитаться с моим отцом из-за его безвременной кончины, так и не остыли от своих планов, то я недолго буду радоваться вновь обретённой свободе.

Водоворот чёрных мыслей прервал оборвавшийся шум воды. А спустя пару минут супруг вышел из ванной, оборачивая вокруг бёдер большое махровое полотенце.

Господи, я так и не привыкла к тому, что у нас с ним такая разница в росте и габаритах. И, наверное, будь мы счастливой супружеской парой, Меня бы это неизменно приводило в восторг, но меня эта разница всегда откровенно пугала, каждый раз напоминая, насколько же он превосходит меня в физической силе. И что может случиться, если я когда-нибудь до ручки его нашим ссорами доведу.

Но невзирая на страх я упрямо встала с постели, на краешке которой только что успела мысленно себя похоронить, и вздёрнула подбородок.

— Есть какие-нибудь претензии по поводу того, кто где сегодня ночует? — приподнял он бровь. — Велишь мне спуститься в кабинет?

Издёвка чистой воды. Когда он вообще выполнял хоть что-нибудь, что я велела?

— Велю тебе держать свою шлюху подальше от этого дома, — бросила я. — И мне не важно, насколько она у тебя элитная.

Жаров тихо присвистнул и окинул меня с ног до головы таким откровенно заинтересованным взглядом, словно его действительно впечатлили мои слова.

— А что это тут у нас? Ревность?

— Никакая сила на свете не заставит меня тебя ревновать. Не обольщайся. Но эту твою Туманову манерам в Оксфорде, я так понимаю, не научили. Она подстерегла меня внизу, когда я спустилась поужинать, и засыпала меня угрозами. Мне хватает угроз от тебя. Терпеть их ещё и от твоей обнаглевшей подстилки я не собираюсь. Это, надеюсь, понятно?

Глава 7

— Никакая сила на свете не заставит меня тебя ревновать. Не обольщайся. Но эту твою Туманову манерам в Оксфорде, я так понимаю, не научили. Она подстерегала меня внизу, когда я спустилась поужинать, и засыпала меня угрозами. Мне хватает угроз от тебя. Терпеть их ещё и от твоей обнаглевшей подстилки я не собираюсь. Это, надеюсь, понятно?

Жаров стоял и смотрел на пылавшую гневом жену, и его раздирали противоречивые чувства. Хорошо, что он мастерски обладал способностью их скрывать. Любые проявления настоящих эмоций надёжно скрывались на такой глубине, откуда мог их поднять и продемонстрировать миру только он сам.

Спасибо папочке за врождённые умения. Хоть за что-то после этой поганой сделки он ещё мог его благодарить.

— Это понятно, — ответил он, рассматривая розовые пятна, покрывшие её нежную кожу.

Полину довольно легко можно было вывести из себя. В отличие от него она свои чувства никогда не скрывала. Не умела. Не пыталась. Открытая книга. Как будто бы. Но он всё-таки её недооценил.

И, наверное, неудивительно, потому что до какого-то момента ему всё застил свет её наивно, широко распахнутых глаз, которые смотрели на него с затаённым обожанием.

Жаров привык к таким взглядам, но от таких вот правильных девочек получать подобное внимание было особенно волнительно и приятно. Не более того. Её обожания в любом случае не хватило бы, чтобы жениться на ней. Дочка их ничем не примечательного соседа не имела никаких шансов стать его спутницей жизни, если бы не эта чёртова сделка.

И что самое паршивое, от чего ему до сих пор сводило зубы, организовал эту сделку даже не он. Его отец имел все шансы сойти в могилу, оставив ему в наследство обанкротившийся бизнес и долги, много долгов.

Но спасение подоспело откуда не ждали — Сеченов припёрся к ним на порог с охрентельным предложением защитить его и дочурку в обмен на очень ценный актив — богатый полезными ископаемыми земельный участок. У Сеченова в любом случае не было средств и возможностей для их разработки.

Александр Семёнович Жаров на слово соседу, конечно же, не поверил. Был себе ничем не примечательный участок, а потом вдруг — бум! — ископаемые. Но экспертиза показала, что Сеченов не соврал, ну а опасность ему грозила как раз потому, что он поначалу не тем людям о своей неожиданной находке поведал. Его собирались лишиться земельного участка способами, которые больше подходили для каких-нибудь лихих девяностых.

— Жаровых уважают. С Жаровыми они связываться побоятся, — умолял их сосед. — Я со своим сердцем ещё пару лет от силы протяну, а Поинка что будет делать? У неё без меня вообще никого не останется.

Глеб смутно припоминал, что жена бросила Сеченова, когда Полина была ещё в младенческом возрасте. О других её родственниках лично он никогда не слышал, но с другой стороны, он ею вообще никогда не интересовался. И вот как, оказывается... судя по всему, она действительно оставалась сиротой и одиночной хозяйкой заветного участка, когда отца не станет. Ну или когда ему таки помогут отправиться на то свет.

— Они её сожрут. Поля, она ж... пропадёт! И не будут они с ней по-честному торговаться!

— А кто на участок-то покушается? — поинтересовался Глеб, хотя тогда ещё только только перенимал навыки управления бизнесом от отца.

Сеченов бросил на него скорбный взгляд.

— Самойловы. И Кузнецовы. Я так думаю. Доказательств у меня нет, но по намёкам понял, что это они. От них люди ко мне приходили.

Намёки, угрозы, преследование. Сеченов пережил один обширный инфаркт, еле выкарабкался. Короче, мужик был в отчаянии. И ему казалось, что другого выхода нет — он отдаст им свою дочь в довесок к участку.

— Я жениться не собираюсь, — заявил Глеб, когда Сеченова проводили домой с заверениями, что сообщат ему о решении в ближайшие сроки.

— Глеб, ты нашу ситуацию знаешь, — нахмурился отец. — А тут такая возможность. Притом сама в руки идёт! Ну ты же понимаешь, что этот барк — просто юридическая формальность. Никто тебя не заставляет с ней спать и детей заводить. Живи себе в своё удовольствие. Потерпишь пару месяцев и разведёшься. Участок отсудим или убедим её расстаться с ним добровольно. За щедрые откупные.

— А безопасность её тебя не беспокоит? — посмурнел Глеб.

— А кому она нужна без земли-то? — фыркнул отец. — Кстати, это ещё один жирный аргумент в пользу того, чтобы она отказалась от прав на эту землю. Если не дура, сама поймёт, что от этого участка теперь одни неприятности.

Времени на долгие раздумывания и прикидки не было — ситуация развивалась слишком быстро, причём с обеих сторон. Приходилось решаться — либо они рискнут, либо поосторожничают и, возможно, очень сильно об этом пожалеют.

— К тому же, — подмигнул ему отец. — Ты разве не хочешь почувствовать себя благородным рыцарем, спасающим девицу из беды?

— Сейчас не Средневековье, — проворчал тогда Глеб. — Хотя ощущение такое, будто оно самое. Брак по расчёту.

— Сейчас таких браков куда больше, чем ты можешь представить, — хмыкнул отец. — ты просто никогда не интересовался этим вопросом.

Вообще-то он и не собирался. У них с Эльвирой Тумановой развивался бурный роман и его всё устраивало.

Но вмешалась взрослая жизнь. И ему пришлось как минимум на какое-то время поменять роскошную Туманову на бледную и пугливую Полину Сеченову. Фамилия звучная и красивая, а носительница её... Не урод, и на том спасибо.

Тогда никто не мог бы сказать, что следующие пять лет приведут вот к такому — они поженились, переживут вспышку настоящего чувства, будут ожидать долгожданного малыша, а потом... смерть её отца, вся правда о его завещании и... выкидыш.

Выкидыш, в котором виновата она. Та, что сейчас стояла напротив него и гневно требовала чего-то.

Но Жаров сейчас продемонстрирует ей наглядно, что ничего требовать у него она никакого права уже не имеет.

Глава 8

— А раз понятно, — сверкнула глазами жена, — значит, ты исполнишь моё требование и не допустишь того, чтобы эта женщина тут появлялась!

— Ох уж эта женская логика, — с притворной снисходительностью усмехнулся Жаров, с нескрываемым удовольствием рассматривая её раскрасневшееся от гнева лицо.

У его супруги была скверная привычка порой замыкаться в себе и всячески прятать свои эмоции под маской мнимой едва ли не безмятежности. Хотя внутри всё могло ходить ходуном.

В те счастливые несколько месяцев, когда он позволил себе поверить в чудо и вообразил, что счастливый брак — это реальность, а не нечто из области недостижимых фантазий, он не раз говорил Полине, что ей не нужно так себя ограничивать. Что искренность — это то, что он всегда ценил в ней больше всего.

Откуда же ему было знать, что её искренность имела чётко очерченные границы, а если его супруга и хранила верность, так это тем обещаниям, что дала собственному отцу. Все остальные были для неё врагами и потенциальными обидчиками.

— То, что я понял суть твоих претензий, ничего иного автоматически не значит, — пояснил он сказанное. — Но женщины частенько совершают эту ошибку — воображают, что понимают мужчин лучше них самих.

— Когда мы говорим о мужчинах, речь не о тебе, — бросила она с презрением. — Настоящий мужчина никогда бы не допустил того, что его супругу унижает какая-то посторонняя дрянь, даже если эта дрянь училась в Оксфорде и мастерски раздвигает перед женатым мужиком свои ноги!

Глеб не сдержался и хмыкнул. А он-то уже стал забывать, что у его супруги острый язык, и она порой даст фору любому спорщику.

— Ты какие-то угрозы упомянула, — с наверняка раздражавшим её спокойствием проговорил Глеб и поправил полотенце, прикрывавшее его наготу. — Чем она тебе угрожала?

Полина перевела дыхание и бросила на него исполненный подозрения взгляд. Гадает, всерьёз он спрашивает или просто готовит почву для очередного издевательского выпада.

— Она заявила, что прибрала тебя к рукам. И скоро приберёт к рукам и этот дом, и всё, что у меня есть. Наверное, думает, что я какими-то несметными богатствами обладаю.

— По завещанию твоего хитрого папаши, так и выходит.

— Не смей моего отца сюда вмешивать! — пригрозила она. — Мне надоело тебе повторять, то я ничего не знала об условиях его завещания! Он не ставил меня в известность даже о том, что оно вообще существует! Я думала, они с твоим отцом всё решили ещё когда он вам порог оббивал со своей позорной просьбой!

— Такой уж и позорной? — хмыкнул Глеб, сделав шаг ей навстречу. — Я понимаю, что это неприятно признавать перед другими, но себе-то незачем врать? Ты была счастлива выскочить за меня замуж. Потому что я давно тебе нравился. Я это знаю, Полина.

Она вспыхнула моментально. И если прежде у неё алели только скулы, то сейчас краской залило всё лицо и даже шею.

— Ты слишком много о себе воображаешь! Я была ещё совсем девчонкой! Безмозглой и наивной!

— Да брось! — с внезапной злостью оборвал он её отрицание. — Двадцать два года — это уже далеко не девчонка! Хватит пытаться оправдать то, что в оправдании не нуждается. Хоть раз прояви смелость! Мне несложно признать, что между нами были чувства. Были. Ровно до тех пор, пока по твоей вине не случилось то, что случилось! До тех пор, пока ты мне не напомнила о том, чем на самом деле был наш брак! За что, кстати, я всё-таки должен тебя побла-

годарить. Иначе так бы и воображал, что между нами всё было по-настоящему. Но, видимо, настоящим меня принимает только Эльвира.

— О да-а-а! — с издёвкой рассмеялась Полина, но голос её так дрожал, что это можно было принять за рыдания. — Вот уж с Эльвирой вы действительно два сапога пара! Она тебе подходит как никто! Два бессердечных ч-чудовища, которым нет никакого дела до остальных!

— Сколько же в тебе ревности, — хмыкнул Глеб и сделал ещё один шаг по направлению к ней.

Он пытался сократить расстояние неосознанно, словно чувствовал, что теряет контроль над ситуацией и разговором. Или опасался, что сейчас она развернётся и умчится куда-то, на эмоциях сорвётся с лестницы и сломает себе шею. Один раз она уже поступила неосмотрительно — и чем это всё закончилось...

От воспоминания с левой стороны грудной клетки до сих пор ныло. Он помнил скорбные лица врачей, он помнил её собственные слёзы. Он помнил...

— Не приближайся ко мне! — её шипение выдернуло его из тяжёлых воспоминаний.

Но вот бурлившую кровь уgomонить не могло. Её сопротивление всегда будило в нём что-то животное, легко бравшее верх над разумом. Умением вызвать в нём такую реакцию ни одна женщина в его жизни, кроме супруги, ещё не могла. Даже Эльвира.

— Ты в последнее время слишком много раздаёшь указаний, — проговорил он и стремительно преодолел оставшееся расстояние между ними.

— Думаешь, этим меня запугаешь? — Полина задрала голову и смотрела ему в глаза без тени страха. — На меня твои методы уже давно не действуют, Жаров!

— Нет? — спросил он почти нежно. — Извини, Полина, но ты должна знать, что с некоторых пор я на слово тебе больше не верю.

Легонько оттолкнув её к стене рядом с дверью, он прижался к ней всем телом и впился в губы по-хозяйски требовательным поцелуем.

Давно следовало напомнить — требовать и брать, что хочет, в их паре может он и только он.

Глава 9

Поцелуй длился недолго.

Хотя Глеб ожидал, что она мгновенно его оттолкнёт. Но, видимо, он всё же умудрился заставить супругу врасплох. Полина частенько в пылу их ссор забывалась и, захваченная своими эмоциями, теряла ощущение реальности.

Ей бы почаще отвлекаться и на окружающую действительность внимание обращать. Почаще выбираться из своей головы и замечать то, что творилось за её пределами.

— Отпусти меня, сволочь! — прошептала она, попытавшись вывернуться из его хватки.

И он бы подчинился её гневному требованию, если бы она не ответила на поцелуй. Но прежде чем его оттолкнуть, на всё же позволила себе помедлить.

Он не мог ошибиться. Он слишком хорошо её знал, слишком хорошо изучил за время их не слишком-то счастливого короткого брака.

— Не планирую, — проговорил он спокойно. — Ни в каком из всех возможных смыслов.

— Что?.. — опешила она.

— Я не собираюсь выпускать тебя из этого брака, не собираюсь выпускать тебя из этой комнаты и не собираюсь отпустить тебя от себя.

— Ты не посмеешь... — прошелестела она. — Не посмеешь!

— Звучит как вызов.

— Нет! Жаров... Не смей!

Но он припал жадным поцелуем к её шее, а она продолжала сопротивляться.

Глупа и наивная. Она никак не хотела привыкнуть к тому, что последнее слово всегда оставалось за ним. И для этого даже необязательно было прибегать к замашкам тирана и решать вопрос силой. Он умел убеждать. А главное, знал, как это делать, когда речь заходила о ней.

Он проложил дорожку из поцелуев до её левой ключицы и спустился ниже. Он умел быть нежным и внимательным, когда этого хотел. И она неизменно попадала в эту ловушку, потому что отчаянно нуждалась в этой нежности, во внимании, в том, чтобы кто-нибудь заботился о ней.

Потому что без него у неё на свете больше никого близкого и не оставалось.

И Полина слишком хорошо это понимала. Хотя никогда и не стала бы вслух признавать.

— П-прекрати, — её дыхание начинало сбиваться, голос дрожал. — Ты... ты мне противен! Я не хочу тебя! Не х-хочу!

Глеб остановился на самом вырезе её майки, который и без того опасно сполз вниз

— Врёшь и не краснеешь, — шепнул он и, склонившись, накрыл ртом обнажившуюся вершинку груди.

Полина со свистом втянула в себя воздух и на мгновение замерла, будто ощущения её парализовали.

Возможно, так и было.

Он хотел завершить сегодняшний вечер, вылившийся в череду безобразных разборок, с удовольствием для себя. И его разгневанная супруга соврала бы, сели бы принялась отрицать, что удовольствие было вполне обоюдным.

Спустя несколько минут она выгибалась ему навстречу, не переставая при этом шептать ему всякие гадости, но он держал её слишком крепко, вырваться бы она всё равно не смогла.

И чем безрезультатно упираться, лучше расслабиться и получить удовольствие.

Спустя целую вечность, потонувшую в сладких судорогах и столах, он довёл её до долгожданного освобождения и получил его сам, без особого стеснения отключившись от событий этого вечера.

Но это он. А вот Полина не собиралась прощать ему ничего.

Стоило Глебу рухнуть в постель рядом с ней, как она подскочила, ещё не восстановив дыхание после пережитого.

Он не успел откатиться, поэтому пощёчина прилетела прямо по адресу — скулу и челюсть окатило огнём.

— Не благодари, — съязвил он и тут же получил вторую.

— Ты мерзкое животное! — задохнулась она, но не успела отползти.

Он рывком поднялся, опрокинул её навзничь и придавил к постели всем своим весом.

— Радость моя, так ты же не лучше.

В её глазах дрожали слёзы. Ненависть в ней боролась с чувствами, которые он до конца ещё не убил. Очень скоро они затухнут в ней окончательно, и, возможно, попытайся он повторить всё это в следующий раз, она вгонит ему под рёбра что-нибудь колюще-режущее.

Почему-то мысль о том, что ставки взлетят настолько высоко, не вызвала в нём сейчас ничего, кроме азарта. Вероятно, ещё не выветрился только что пережитый взрыв слишком уж острого наслаждения.

Эль наверняка взревновала бы, узнав, что сегодняшние обжимания с ней под лестницей и в подмётки не годились тому, что он испытал в постели с женой.

— Я ненавижу тебя, — всхлипнула она. — Я тебя теперь ещё сильнее ненавижу!

— Потому что тебя ко мне всё ещё тянет, — вкрадчиво пояснил он, не позволяя ей даже двинуться с места. — И себя ты ненавидишь за это с той же силой, что и меня.

— Ты эгоистичная сволочь! Маньяк! Ты просто воспользовался тем...

— Чем? — хмыкнул он. — Тем, что ты тоскуешь по мне? Не хочешь с другими женщинами делить? Я уверен, ты *хотела бы* меня не хотеть. Но ничего не можешь с этим поделать. Мы не выбираем, что чувствовать и к кому.

Какое-то время она молча сверлила его ненавидящим взглядом, пока слезинки медленно скатывались по её вискам в разметававшиеся по подушке волосы, а потом прошептала:

— Это ты обо мне, Жаров, или о себе говоришь?

— Что? — нахмурился он, чувствуя нежданно подкравшуюся опасность в её словах.

— Ты слышал, — она дёрнулась под ним, но он по-прежнему держа её крепко. — Твердишь мне о том, как я тоскую по былым временам, а сам? Чем ты меня лучше?

Жаров прищурился.

— Ты вообразила, что я по-прежнему что-то испытываю к тебе?

— Что-то? — неожиданно дерзко усмехнулась она и подалась к нему бёдрами в таком недвусмысленном призыве, что у него невольно перехватило дыхание. — Нет, не что-то. Ты прекрасно знаешь, что именно.

Глеб зарычал и оттолкнулся от неё, что вызвало на губах у жены новую усмешку.

— Кажется, твоей Эльвире теперь придётся ещё сильнее стараться. Она-то надеется, что окончательно тебя к рукам прибрала, — с издёвкой проговорила жена. — А у тебя оказывается на уме всё ещё секс с ненавистной женой. Интересно, чем ты себя оправдываешь? Тем, что это секс из мести?

Глава 10

— Я себя ничем не обязан оправдывать, — прорычал Жаров и выбрался из постели.

Я украдкой следила за тем, как он с нескрываемо раздражением подхватывает с пола полотенце и возвращается в душ.

Он не обязан, а мне оправдать себя было попросту нечем, кроме одного, пусть и очень слабого утешения. Жаров врал и мне, и себе, когда утверждал, что он движим исключительно ненавистью.

Насчёт его чувств ко мне я, к слову, не заблуждалась. Муж действительно меня ненавидел, но его ненависть была с изрядной примесью прочих чувств и эмоций. И он с ними ничего поделать не мог. По крайней мере, пока что.

Появившаяся на горизонте бывшая подружка вполне могла при помощи моей «обожаемой» свекрови вытравить в нём последние остатки сочувствия ко мне, добавить и убедить его в том, что я ничего и никогда не испытывала к нему, кроме жажды заполучить его к себе в постель, а потом и в мужья. Исключительно потому что он красив, богат и влиятелен. Но дальше меркантильных и сугубо физических мотивов меня к нему ничего, по их представлению, не влекло. Каждый в этой жизни судит исключительно по себе, вот и всё что я могла на это сказать. Ну и вдобавок в Ирине Валерьевне говорила ревнивая мать, чей сын едва ли не пожертвовал собой ради брака не пойми с кем.

Я перекатилась на бок и свернулась в клубочек, чувствуя отголоски близости с мужем. Зажмурилась, не желая признавать очевидного — я безумно скучала по тем дням до трагедии, когда нам с Глебом удалось поверить друг другу. Когда он понял, что наш брак далеко не просто бездушная сделка. Когда я поняла, что моя влюблённость в него далеко не просто влюблённость.

Как же недолго продлились те счастливые несколько месяцев...

И как легко оказалось их навсегда отравить.

Нет, иногда одной любви мало. Иногда она не в состоянии побороть жестокость окружающих, ложь и чужие попытки разрушить то хрупкое счастье, которое ты пытаешься ото всех защитить.

Я всхлипнула, и слёзы покатались из глаз на подушку. Шум воды в душе стих, а спустя несколько минут муж вернулся в спальню. Я невольно съёжилась, надеясь на то, что он больше не тронет меня ни делом, ни словом.

Просто уляжется на совей половине постели и уснёт.

Но я зря переживала. По звукам я поняла, что он полез в гардероб, где какое-то время искал во что переодеться, а спустя несколько минут дверь супружеской спальни открылась и закрылась. Меня окутала глухая, мёртвая тишина.

Супруг таки ушёл ночевать в другую комнату.

Я медленно выпустила воздух из лёгких, полежала пару минут без движения, а потом выползла из постели и тоже отправилась в душ.

Тем не менее проспала я почти шесть полных часов без пробуждений и без сновидений. Сказывалась накопившаяся усталость от стресса.

Когда спустилась к завтраку, ни следа мужа в доме не обнаружила. Наверняка давно в офисе — занят своими важными делами.

Зато, к сожалению, дожидаться того, чтобы куда-нибудь таким же волшебным образом испарилась моя свекровь, не приходилось.

— Ранняя птичка, — язвительно прокомментировала она, когда я вошла в столовую.

Я ни словом её не удостоила. Свернула направо, в кухню, чтобы заварить себе крепчайшего кофе.

— Как спалось? — не отставала она, явно в надежде на то, что увидит мою реакцию.

Но откуда бы ей было знать, как неожиданно закончился мой вчерашний кошмарный вечер? Разве что Эльвира порадовала её тем, что унизила меня своими угрозами на кухне.

— На удивление хорошо, — отозвалась я, засыпая кофе в кружку. — Вы знаете, Ирина Валерьевна, вашей протеже Тумановой, видимо, квалификации пока не хватает.

Я бросила на неё ледяной взгляд и увидела, как вытянулось её лицо.

— Не доработала ваша Эльвира, — пояснила я ровным голосом. — Глеб был в таком отчаянии после её неумелых попыток его впечатлить после долгой разлуки, что меня, своей ненавистной жены, домогался. Ну куда же это годится?

Глава 11

— Ты ведёшь себя вызывающе и вульгарно, — процедила свекровь и так агрессивно отпила из своей кружки, что едва не подавилась.

Видимо, пыталась как-то заглушить крепким кофе не понравившейся ей ответ.

— Неужели ещё более вызывающе и вульгарно, чем эта ваша Эльвира? — усмехнулась я.

Хоть где-то я отыскивала слабую отдушину, притом совершенно не ожидая, что мне удастся этот трюк. Долгое время Ирина Валерьевна вообще избегала контактов со мной.

Прежде ей это удавалось, потому что они со свёкром жили отдельно, но полтора года назад Александра Семёновича не стало, и мать перебралась под крыло к сыну, мотивируя это тем, что там совсем сдурееет от одиночества.

Жаль, конечно, что не сдурела. Так бы он поскорее её в какой-нибудь пансионат для сбрендивших определил. Никто бы тут по её отсутствию не всплакнул.

— Тебе бы ещё себя с нею сравнивать, — фыркнула родственница по мужу. — Я понимаю твою злость в её сторону, но пока твой папашка не появился на наш порог с тем диким предложением, к тебе и вопросов никаких не было. Соседкой ты была куда приятнее в общении.

В пору нашего соседства я с Жаровыми и не общалась. Никогда дальше приветствия у нас дело и не заходило. О чём мне общаться с этими людьми? Более или менее я зналась только с Глебом, да и то лишь потому, что мы были почти одного с ним возраста и детство провели рядом. Разница в социальных статусах, как ни странно, тогда никакого значения не имела.

Это взрослая жизнь заставляет натягивать на себя необходимые маски, присваивает нужные роли и накладывает обязательства, о которых порой никуда не спрятаться и не скрыться.

— То же самое, Ирина Валерьевна, я могу сказать и о вас. Вы были замечательной собеседницей, пока мы с вами не начали общаться. Вот только не забывайте, пожалуйста, что я в вашу семью не с пустыми руками пришла. Ваш муж об этом, между прочим, всегда помнил.

Свекровь полоснула по мне ненавидящим взглядом.

— Вот только мужа моего, царствие ему небесное, не смей сюда приплетать! Это всё блажь! Женить вас было совершенно необязательно. Наверняка можно было как-то без брака вашего обойтись! Сашке вздумалось на старости лет сводника с благими намерениями из себя вообразить! Мол, девка покладистая, хорошая, будет отличной женой. Эльвиру он не одобрял! Дурак старый...

Я даже брови приподняла. Так о своём покойном муже она при мне ещё не отзывалась.

— И за глупость свою он поплатился! Думал, ему так легко этот участок достанется.

И её лицо, которое и без того вечно выражало недовольство, совсем скривилось, словно она лимон прожевала.

Ну да, последняя воля моего отца знатно подожгла всем пятые точки. А главное, никто так и не поверил, что я ничего не знала о задумке отца. Он ни словом мне о завещании не обмолвился. Меня обвинили в сговоре и заклеямили. Я ничем не могла доказать свою невиновность.

Если честно, я к тому времени слишком уверовала в то, что ото всех возможных нападок меня защитит любовь моего мужа. Глеб к тому времени прекратил сопротивляться нашей очевидной тяге друг к другу и запретил даже своей матери, которую любил и уважал, плохо обо мне говорить.

Счастье продлилось недолго... А вместе с ним быстро истаял и мой статус неприкосновенности.

— Ваши ожидания — ваши проблемы, — ответила я равнодушно и вернулась к своему кофе.

— А ты, видимо, разнадеялась, что вот эта вспышка безумия что-нибудь значит? — ехидно поинтересовалась свекровь. — Думаешь, если он на тебя сегодня ночью накинулся, то это значит, он тебя простил и снова принял?

— А вы вообразили, что я ишу его прощения? — у меня даже дыхание перехватило. — После того, как он, не скрываясь, с Тумановой на вечере заигрывал, а потом под лестницу её потащил?

— А чего же ты тогда такая довольная? — прошипела Ирина Валерьевна. — На что ты рассчитываешь?

И я ответила то, что с некоторых пор лежало у меня на душе. Кто знает, может, свекрови хватит мозгов внушить эту дельную мысль своему упрямому сыну.

— Я рассчитываю на то, что мой муж наконец-то поймёт, что его до сих пор ко мне тянет. Что он не избавится от этой зависимости ко мне, которую сам в себе ненавидит, пока не избавится от меня. Он сам меня называет занозой. Так вот, хотите со мной распрощаться, посоветуйте сыну меня отпустить и раскошелиться на охрану. А он может возвращаться к своей ненаглядной Тумановой и забыть о том, что я вообще существую!

— Ты же знаешь, что он не даст тебе развод — так он лишится прав на землю!

— Я ему её подарю! — в сердцах бросила я. — Вот вам крест, после развода я пойду даже против последней воли отца — я ему этот участок просто отдам, только бы он меня больше не мучил!

Глава 12

— От тебя её духами разит, — сморщила нос Эльвира. — Жаров, ты же уверял меня...

— Ты мне тоже нотации читать собралась? — Глеб легонько оттолкнул от себя любовницу и, дошагав до перил просторной веранды, уткнулся плечом в резную колонну. — Вот давай ты мне не будешь претензии насчёт моей законной жены предъявлять.

Сентябрьская ночь была ещё по летнему тёплой, томной, пряной. Очень скоро придут по-настоящему осенние холода, и погода наконец станет отражать его внутренне состояние. Может, хоть тогда он обретёт хоть какое-то подобие дзена.

Сейчас всё вокруг раздражало так, что хоть вой.

— Да чего ты бесишься сразу? — надула губы Эльвира и подошла к нему, положила подбородок на плечо, прижалась всем телом. — Думаешь, мне есть хоть какая-то разница, что у вас там происходит? Я же знаю, что всё это время ты ждал меня. Знаю, что только у меня есть ключ к твоему сердцу. Я знаю, какой ты, и я тебя принимаю именно таким, какой ты есть.

Когда они с Тумановой только познакомились, ему очень нравилась её самоуверенность, её смелость и та невидимая корона, которую она таскала у себя на голове.

Эльвира Туманова была ценным трофеем. Её сложно было завоевать. Возможно, потому так остро ощущалась сладость победы, когда она наконец-то пала под натиском его обаяния и признала, что он тоже нравится ей.

Не сравниться с тем, как было с Полиной...

Какого чёрта он вообще сейчас думает о жене? Он для этого уехал сегодня из дома? Чтобы и здесь, у женщины, которая действительно по всем параметрам ему подходила, ломать себе голову над вопросом, как поступить с супругой, от которой ему не позволяли избавиться обстоятельства?

— Годы идут, — заметил он глухо. — А ты совсем не меняешься. Считаешь, что меня так легко прочесть? Жизнь в браке не проходит для меня незаметно.

— О, это я как раз заметила, — усмехнулась Эльвира, а её руки жадно пробежались по мускулам его груди. — Ты стал сварливым, мрачным и жёстким. Ты даже в постели ведёшь себя как завоеватель. Не скажу, что меня это не заводит, но...

— Ты угрожала ей. Верно я понимаю?

Вопрос вырвался у него словно сам по себе. Вообще-то он не планировал сегодня сводить всё к разборкам. Он планировал провести эту ночь куда более приятно, но вот на тебе. Как будто толкнул его кто.

Эльвира хмыкнула ему в плечо.

— Трусливая сучка. Нажаловалась?

— Послушай, — он высвободился из её объятий, отступил и повернулся к ней, заглянув в лицо, приподнял указательным пальцем её острый подбородок. — Ты всё-таки о моей жене говоришь. Выбирай выражения.

Туманова смотрела на него с изумлением.

— Жаров, ты это серьёзно?.. И это мне говорит человек, который примчался сюда, сбежав о необходимости проводить время в компании этой самой супруги?

— Не приписывай мне то, чего я не совершал. Я приехал не потому, что мне невыносимо там находиться. Я приехал, потому что кое-какие вопросы потребовали прояснения. Наши с тобой отношения тогда и сейчас — разные вещи. Это ты понимаешь?

Эльвира нахмурилась, легонько шлёпнула его по руке, вынуждая убрать палец из-под её подбородка.

— Это разницу я, представь себе, ощутила. И что теперь? Ты же не собираешься всю оставшуюся жизнь тащить на себе это бремя? Жаров, мы ведь общее будущее планировали!

— До того, как мой отец рассказал мне о долгах, — напомнил Глеб. — До того, как вопрос с долгами закрылся. Каким способом, ты уже знаешь. Я женатый человек, и этого сейчас никак не изменишь. Учитайвай. И проявляй по отношению к моей жене должное уважение. Такое понятие, как репутация, в нашем мире ещё никто не отменял.

Тумановой его требование ожидаемо не понравилось.

— Послушай, если она доставляет тебе столько хлопот, если брак с ней действительно кость поперёк твоего горла, почему не решить этот вопрос?..

— По условиям завещания, при разводе я лишюсь прав на землю. Это неприемлемый вариант. Сейчас мой бизнес буквально зависит от этого участка.

— Ох, Жаров, ну не строй их себя дурачка, — протянула Эльвира. — Ни за что не поверю, что ты не можешь убедить свою мадам подарить тебе этот участок после развода, только бы вы оставили друг друга в покое. Ну или если твоя супруга вдруг заартачится... может, мы могли бы рассмотреть другие, чуть более действенные способы, м?..

Дорогие читатели,

у моей книги **«Измена. Ты мне больше не нужна»** вышла последняя глава.

Прочитать целиком: <https://litnet.com/shrt/CTWW>

— Я с тобой развожусь, — бросает муж.
 — Ты... — мой голос осип от волнения. — У тебя появилась другая? Кто?
 — Не имеет значения.
 — Чёрта с два! — завожусь. — Ты бросаешь меня ради другой, и я не получу никаких объяснений?
 — То есть без истерик никак? — кривится он. — Её зовут Анастасия, ей тридцать два. Этого будет достаточно?
 Сглатываю ком. Она на целых десять лет моложе меня.
 — Андрей, за что?.. Откуда в тебе столько ненависти ко мне?
 — Нет никакой ненависти, — отрезает супруг. — Мы разводимся, потому что я устал от тебя. Я не могу больше так жить, понимаешь? Я женщину в тебе больше не вижу! Мне рядом нужна женщина, а не старуха!

♥# властный и жестокий мужчина
 ♥# коварная любовница
 ♥# неидеальные герои
 ♥# сложные отношения
 ♥# очень эмоционально
 ♥# ХЭ

Глава 13

— Подаришь? — губы свекрови презрительно дрогнули. — Хочешь поразить меня в самое сердце своей небывалой щедростью? Или своей непроходимой тупостью? В завещании этот момент отдельно прописан! У тебя нет такого права. Твой папочка об этом позаботился. После развода ты не имеешь права отказаться от этой земли ни в чью пользу. Ни в чью, кроме своих наследников. Об отсутствии которых ты позаботилась.

— Закройте свой рот! — не сдержалась я. — Моё падение было несчастным случаем, и я не позволю вам вывернуть память о нём наизнанку! Не позволю вам изваливать меня в грязи и пытаться доказать всем и каждому, что мы с отцом были в сговоре! Или что это у меня совсем мозги съехали набекрень, и я забеременела, чтобы потом избавиться от собственного ребёнка!

— Иногда планы меняются, — оскалилась Ирина Валерьевна. — Иногда даже матери становятся худшими монстрами в мире!

— А вот это я могу подтвердить! — рыкнула я. — С одним таким монстром я сейчас разговариваю!

— Услышать эти слова от тебя — наивысшая похвала, — хмыкнула свекровь. — А тебе всё-таки стоило бы повнимательнее отнестись к документу, который определил всю твою судьбу. И сколько бы ты ни носилась со своей доброй памятью о папочке, ты должна понимать, что к концу жизни паранойя совсем съела ему все мозги, раз он обрёк свою единственную кровиночку на такое.

— Он ни на что меня не обрекал, — процедила я. — Просто он опрометчиво посчитал вашего сына достойным человеком. Но всем людям свойственно ошибаться!

— Мой сын ведёт себя достойно с достойными, — ничуть не смутившись моему выпадку, парировала Ирина Валерьевна. — Кстати о достойных. Надеюсь ты в курсе, где он сегодня до утра проторчал.

Я стиснула кружку, будто искала в ней хоть какой-то поддержки.

— Промаявшись тут, он отправился к Эльвире. Вернулся только под утро. Переоделся, принял душ, позавтракал и уехал в свой офис. А ты об этом даже не знала. Всё-таки вот где выгода проживания в таких огромных домах. Можно жить в одном месте, но в совершенно разных мирах. Пользуйся этим, раз уже тебе так невыносима жизнь в замужестве. Ну а то, что он в кои-то веки покувыркался с тобой... — многозначительно добавила она, воспользовавшись тем, что я не спешила отвечать ей на сообщение о ночных активностях моего мужа. — Это остаточные явления. Он вел как-то вообразил, будто действительно влюбился в тебя. Короткая вспышка, пустые иллюзии. И за то, что они довольно быстро развеялись, ты можешь благодарить исключительно себя.

— А вы, — бросила я. — Можете продолжать тешить себя иллюзиями, что всё знаете и понимаете о собственном сыне. Ваша Туманова — не более чем развлечение.

— Ну да, — с уничижительной усмешкой подтвердила свекровь. — Если тебе удобно так думать, никто не собирается тебя разубеждать.

— Вам не удастся меня доломать, — внутри у меня всё горело, но мой голос сейчас был холоден и твёрд, словно лёд. — У вас ничего не получится.

Ирина Валерьевна взяла на себя труд отовариться от остатков своего завтрака и, откинувшись на высокую спинку стула, обратила на меня безмятежный взгляд той, кто знала куда больше и понимала куда глубже неразумной меня.

— Милая моя, — из её уст засочился тошнотворный елей. — Никто не будет мारать о тебя руки. Глеб пользуется тобой тогда, когда ему это удобно. Утешай себя мыслями о том, что это у него от великого, неуничтожимого чувства к тебе. Но всё очень скоро изменится. И я даже могу сказать, когда.

— В вас прорезался дар прорицательницы? — не упустила я возможности её уколоть.

— Глеб всё же отыщет лазейку в этом чёртовом завещании. Уверена, он до сих пор этого не сделал исключительно из жалости к тебе. И ты знаешь, приступить к решительным действиям его подвигнет очень важное событие — если, а точнее, когда Эльвира Туманова сделает то, чего не сделала ты. Когда она подарит моему сыну ребёнка. А уж за этим, поверь мне, у них не заржавеет.

Глава 14

— Бойтесь своих желаний, — бросила я, допила свой кофе и вышла из столовой, стараясь не думать о том, выглядел мой исход как достойное отступление или как позорный побег.

Но если я хоть немного разбиралась в людях, то моя дражайшая свекровь крайне опрометчиво ставила на Эльвиру. Если та как следует завладеет мыслям моего мужа, она наверняка добьётся ещё и того, что выставит его матушку за порог. Просто потому что не бывает двух хозяек на кухне.

Это я тут никакими правами практически не обладала и ни на что изначально рассчитывать не могла. А вот Туманова с такой ролью никогда не смирится. Мать Глеба слишком привыкла ко мне, чтобы осознавать эту разницу.

В доме оставаться больше не было сил — стены давили на меня, заставляя ощущать себя запертой в громадной каменной коробке, поэтому я выбралась на крыльцо, а оттуда побрела напрямик в сад, где сегодня работал садовник, собирая первую опавшую листву.

Я кивнула ему и собиралась отправиться по дорожке за дом — к озеру, но не успела. На подъездной дороге появилось авто, будто подкралось. Я всё-так становилась опасно рассеянной — не замечала мира вокруг, погружаясь в свои невесёлые размышления.

Почему он вернулся? Сложно представить, что в офисе вдруг закончилась вся работа и Жаров вернулся домой, потому что все дела переделаны.

Но если что-то действительно и случилось, меня он будет ставить в известность о своих делах в последнюю очередь. Самовлюблённый говнюк.

Я отвернулась и не спеша побрела по тропинке. Но скоро услышала позади себя скрип мелкого гравия.

Нет. Нет, я очень надеюсь, что это садовник...

— Полина, — требовательно и холодно.

Даже время от времени налетавший на меня сентябрьский ветерок казался теплее, чем его голос.

— Что? — бросила я через плечо. — За добавкой вернулся?

Вместо ответа на плечо мне легла тяжёлая ладонь. Я дёрнула плечом, сбрасывая её.

— Я же спросила, что тебе нужно.

— Я бежать за тобой должен?

— А ты бежишь?

— Да твою-то мать, что за детский сад? — рыкнул Жаров и, уже не церемонясь, схватил меня за плечо, дёрнул на себя, заставляя обернуться.

— Ты даже таких прозрачных намёков не понимаешь? — бросила я. — Я не хочу с тобой разговаривать. Я уже с утра наговорила. С твоей ядовитой мамашей. На сегодня лимит общения с Жаровыми у меня исчерпан.

При упоминании матери Глеб внезапно нахмурился, как будто для него вдруг стало новостью, что мы с ней общались.

— Она тебя оскорбляла?

Я даже хмыкнула.

— Как будто тебе есть до этого дело. Она проинформировала меня о твоих ночных похождениях.

Совершенно необязательно было об этом ему говорить. Сейчас эта эгоцентричная сволочь снова объявит меня ревнивой женой, которая...

— Я хочу предложить ей переехать, — с самым серьёзным видом заявил супруг.

— Переехать? — мне показалось, я как-то неверно истолковала значение этого слова. — Куда?

— В их прежнее жилище. Дому нужен присмотр. Там начинается капитальный ремонт, и всё это дело нужно кому-то контролировать.

Он говорил о прежнем доме его родители. Это примерно в сорока минутах езды отсюда — недостаточно далеко, на мой вкус, но просто представить себе, что я избавлюсь от её постоянного присутствия в доме...

Я побоялась выражать свою радость открыто, тем более что рано пока было радоваться. Это всего лишь мысли вслух, притом слишком странные для моего мужа.

— С чего ты решил своим планами со мной поделиться? — с подозрением поинтересовалась я, разглядывая его сурово сжатые губы. — Мне тысячу раз давали понять, что я тут ничего не решаю и моим мнением никто не интересуется. Что вдруг изменилось?

Мой вообще-то целиком и полностью резонный вопрос натолкнулся на стену непонимания и отторжения.

— Слушай, Ты можешь просто сказать, тебя устроит такой вариант или нет? — огрызнулся он вместо каких-либо объяснений.

— Устроит, — ответила я ему в тон. — Если это действительно твои планы, а не размышления на тему.

— Я поговорю с ней сегодня, — бросил муж, прежде чем развернуться и уйти. — А тебе не помешало бы хоть как-то обозначить свою благодарность.

Я не успела ответить ему лишь потому, что задохнулась от циничности предложения. А когда отыскала слова, было поздно — Глеб уже шагнул прочь от меня по садовой дорожке.

А потом он ещё будет вспоминать это как то, что ради меня отослал подальше свою родную мать!

И словно в ответ на моё невысказанное возмущение телефон у меня в кармане требовательно зазвонил. Незнакомый номер.

И кто это?

— Аллю?

— Доченька? — раздалось в трубке. — Доченька, это ты?

Глава 15

— Доченька, это ты?

От нахлынувших эмоций даже голова закружилась, он я приказала себе собраться и пробормотала:

— Вы номером ошиблись.

Собиралась уже отключиться, но женский голос зачастил:

— Нет, нет, не думаю, что ошиблась.

Вот только пререканий с ударившей по больному незнакомкой мне как раз для полного счастья сейчас и не хватало.

— Нет, вы действительно ошиблись, — настояла я, и мой голос сам по себе сделался отстранённым, холодным — У меня матер нет и никогда не было. Поэтому...

— Полечка... — всхлипнула незнакомка в трубку.

И вот тут я действительно обомлела настолько, что даже ноги сделались ватными.

Это вообще что такое? Это что за шутки?

— Я... прошу прощения, а вы откуда знаете моё имя?

— Знаю, потому что со своей дочерью говорю.

Я попыталась проглотить образовавшийся в пересохшем горле колючий ком. Перед глазами почему-то промелькнуло лицо ехидно ухмылявшейся Ирины Валерьевны. Может, это какие-то происки свекрови? Или этой снова объявившейся в жизни моего мужа Тумановой? Сговор? Вполне возможно. Учитывая реалии моей жизни, ничему бы удивляться я сейчас не стала.

— Извините за прямоту, но вы либо разыгрываете меня, либо участвуете в какой-то схеме, либо у вас не всё в порядке с головой. Моя мать оставила меня...

— Тебе и годика ещё не исполнилось, — снова всхлипнула женщина.

Мои пальцы до онемения вцепились в прижатый к уху телефон.

— Откуда у вас мой телефон? Откуда вы его взяли?

Пауза. Придумывает, как бы поскладнее соврать?

Когда молчание на том конце виртуального провода стало почти невыносимым, она тихо произнесла:

— Твой отец мне его переслал. Незадолго до того, как... Незадолго до нового приступа.

Хочет, чтобы я поверила, будто отец знал? Бред же!

— Отца нет...

— Я знаю, — перебила она. — Конечно, я знаю. Но я долго не решалась тебе позвонить. Я просто не знала, что буду говорить и как. Я не слишком хорошо знакома с обстоятельствами твоей нынешней жизни. Знаю только, что ы замужем за Глебом Жаровым. Это... влиятельные люди. Я ещё потому и не решалась...

Она смолкла, видимо, сама понимая, что её объяснения слишком уж путанные и всё равно почти ничего для меня не проясняли.

А я не знала, что на это всё отвечать. Трубку бросать уже поздно. Надо было сразу так поступать, а сейчас уже не притвориться, что я выслушала просто бред сумасшедшей. В мыслях всё равно завихрились сомнения и подозрения.

— А сейчас вы зачем позвонили?

— Вряд ли получится объяснить, — созналась незнакомка. — Не знаю. Что-то меня как будто потянуло. Я и не думала сначала. А вот ходила-ходила, и весь день мысли только об этом. Вот я и решилась.

Как поэтично. Не иначе высшая воля её надоумила.

— Мой вам совет, Марина Геннадиевна, — отчеканила я арктическим тоном. — В следующий раз, когда вас потянет мне позвонить, не вздумайте поддаваться. Удалите мой номер и больше мне не звоните. Я в вас давно не нуждаюсь.

Хорошо, что я стояла посреди садовой дорожки одна. Хорошо, что Глеб давно отсюда ушёл и никто не мог видеть моего состояния.

В дом не пойду. Никому не хочу показываться на глаза. Сейчас я в ещё более уязвимом состоянии, чем обычно.

Постояв пару минут и оглядевшись, будто оказалась в этом месте впервые, я побрела в сторону скамьи под раскидистой липой. Буквально рухнула на неё и застыла, пытаясь переварить произошедшее.

Мать, бросившая меня без объяснений в младенческом возрасте, решила вдруг объявиться. Причём почти в то же самое время, как и в жизни моего мужа появилась женщина из прошлого.

Совпадение? Какое-то слишком уж подозрительное.

Что происходит? А вдруг это как-то связано с теми, кому не достался участок отца? Вдруг это они подговорили какую-нибудь актрису погорелого театра связаться со мной и...

Дрогнувший от входящего сообщения в моей похолодевшей руке телефон заставил меня вздрогнуть всем телом.

Я смахнула вверх экран блокировки. На пару мгновений заколебалась, не решаясь открывать сообщение, чтобы прочесть. Я увидела начало первого предложения в уведомлении и знала, что его написал та, что называлась моей матерью.

Может, всё-таки не читать? Удалить и заблокировать? Может, лучше не связываться, не ввязываться, не знать?

А мне это точно поможет? Или я буду скорее походить на страуса, который решительно сунул голову в песок и делает вид, что вокруг ничего не происходит?

И я вообще так сумею?

Ответ пришёл сам, в виде действия. Я раскрыла новое сообщение и прочла:

«Доченька, прости, но я не могу выполнить твою просьбу. Я хочу видеть тебя. Пожалуйста, давай встретимся и поговорим. Это важно!»

Глава 16

— Более действенные способы? — Глеб даже обернулся, чтобы перехватить её взгляд.

Эльвира невольно отпрянула от него, наверняка правильно расценив отобразившиеся на его лице эмоции. Но при этом, стоило отдать должное её смелости, она и не подумала отступить.

— Ну а что? До конца жизни мучиться? — спросила она высокомерно. — И ещё ладно бы игра стоила свеч. Так, получается же, что не стоит! Вашего ребёнка она угробила, почти наверняка намеренно, после того, как папаша наставил её на путь истинный.

— Откуда ты так хорошо обо всём этом осведомлена? — в голосе зазвучала неприкрытая угроза. — Не припомню, чтобы я с тобой этими подробностями делился.

— Ой, как будто это какая-то великая тайна, — отмахнулась Эльвира, но всё-таки отодвинулась от него, видя его состояние. — Я с твоей матерью поговорила. Она рассказала, как тебе было сложно последнее время. И это при том, что тебе приходится заниматься делами, восстанавливать семейный бизнес! А ты на личные трагедии отвлекаешься. Хороша помощница из твоей жены, ничего не скажешь! Где выгода от этого брака? Одни расстроения.

Глеб не спешил закидывать её возражениями, потому что аргументы критики не выдерживали. С ней даже спор разводить не хотелось. Тем более что он сюда не для споров приехал. Но все будто сговорились с ним отношения выяснять и ему возражать, когда он совершенно не был на это настроен.

— Я не хочу обсуждать этот вопрос, — отрезал Глеб. — Ты нахваталась обрывочной информации и вообразила, что компетентна. Не разочаровывай меня, Туманова.

— Но я же пытаюсь помочь!

— Как? Тем что предлагаешь мне преждевременно овдоветь? — громыхнул он, сам от себя не ожидав такого всплеска агрессии. — Мои отношения с Полиной сложнее и запутаннее, чем ты себе представляешь!

— Глеб, тебе мало того, что она избавилась от ребёнка? — вкрадчиво напомнила Эльвира.

— Я повторяю. Я не собираюсь с тобой свои личные дела обсуждать. Если мне внезапно понадобится твоё мнение на этот счёт, я им поинтересуюсь. Это понятно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.